

УДК 81.115-811.16

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-111-120

ПРОФЕССОР Н. А. КОНДРАШОВ И ЕГО ВКЛАД В СЛОВАКИСТИКУ

Лифанов К. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются труды Н. А. Кондрашова по словацкому языку и словакистике в целом: освещаются проблемы диалектологии, развития литературного языка и деятельность видных учёных. Подчёркивается их значение для словакистики. Автор обращает внимание на оригинальность и новизну общелингвистической проблематики трудов Н. А. Кондрашова. Особое внимание уделено анализу его диссертаций «Категория личности в словацком языке» (1949) и «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» (1968), до настоящего времени являющихся непревзойдёнными в своей области.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, словакистика, словацкая диалектология, кодификация словацкого литературного языка, среднесловацкий диалект, Людовит Штур

PROFESSOR N. A. KONDRASHOV AND HIS CONTRIBUTION TO SLOVAK STUDIES

K. Lifanov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, 119991 Moscow, Russian Federation*

Annotation. The article analyzes the works by N. Kondrashov on the Slovak language and Slovak studies in general, dedicated to the problems of dialectology, the history of literary language, as well as the activities of prominent Slavists. The importance of these works for Slovak studies is emphasized. The author draws attention to the originality and novelty of general linguistic problems of N. Kondrashov's works. Particular attention is paid to the analysis of his dissertations "The category of personality in the Slovak language" and "The emergence and initial stage of development of the Slovak literary language," which to date are unsurpassed in their field.

Keywords: N. Kondrashov, Slovak studies, Slovak dialectology, codification of the Slovak literary language, Middle Slovak dialect, Ludovít Štúr

Проф. Николай Андреевич Кондрашов отличался чрезвычайно широкими научными интересами, включавшими такие научные области, как славянская филология, теория языка и история лингвистических учений, история славистики, методика преподавания славянских языков в инославянской среде. Тем не менее он прежде всего был словакистом, стоявшим у истоков советской российской словакистики и преподавания словацкого языка в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Знакомство Николая Андреевича со словацким язы-

ком, вероятно, произошло во время обучения в Московском институте истории, философии и литературы, «единственного по сути в то время вуза, готовившего специалистов по славистике, германистике, компаративистике, литературоведению с учётом традиций обучения филологов-классиков» [11, с. 82]. Судьбоносными для Николая Андреевича, однако, стали трагические исторические события – Великая Отечественная война. В 1943 г. Н. А. Кондрашов был призван в ряды вооружённых сил и принял участие в боевых действиях. «Его часть стояла в горных мас-

сивах Словакии, где были живы народные верования и обряды, а дух и язык братского народа свидетельствовали об общих корнях и культурных традициях разбросанных на карте Европы соседей-славян» [11, с. 82]. Пребывание в Словакии и предопределило главный научный интерес молодого учёного и его любовь к Словакии и словацкому народу на протяжении всей его жизни.

После демобилизации Н. А. Кондрашов поступает в аспирантуру кафедры славянской филологии и под руководством проф. С. Б. Бернштейна работает над кандидатской диссертацией, посвящённой категории личности имён существительных в словацком языке, которая была блестяще защищена 14 июня 1949 г. Несколько позже основные положения диссертации были опубликованы в статье с одноимённым названием [4].

Обосновывая важность изучения данной проблематики, автор подчёркивает значение сравнительно-исторического языкознания и отмечает, что основные усилия славистов в это время были направлены на изучение дописьменного периода истории славянских языков. Вместе с тем многие их особенности возникли уже в исторический период, поэтому их исследование документировано примерами памятников письменности. Одним из наиболее интересных явлений в истории отдельных славянских языков является развитие категории одушевлённости-неодушевлённости, характеризующееся спецификой в разных языках. Для словацкого языка изучение этой категории является особенно значимым, поскольку, с одной стороны, её реализация является одним из дифференциальных признаков словацкого языка, а с другой – явлением, отличающим словацкие диалекты друг от друга.

Категория личности в словацком языке, входящая в более общую категорию одушевлённости-неодушевлённости, рассматривается в работе в широком контексте. Богатейший языковой материал в работе даётся на широком историко-культурном

фоне, который представляет подробное описание важнейших этапов истории словацкой письменности, роли чешского языка в Словакии и всех кодификаций словацкого литературного языка, включая последние на то время «Правила словацкого правописания», вышедшие в 1940 г. и выполнявшие функцию кодификации словацкого литературного языка¹ [24].

В связи с этим автор описывает классификацию словацких диалектов и входящих в них говоров, что в то время было практически не известно советскому читателю², а также освещает все наиболее существенные моменты в истории словацкого литературного языка, в которых происходили изменения в парадигмах рассматриваемых существительных. Это оказывается тем более обоснованным, так как в дальнейшем приводятся примеры употребления слов, обозначающих наименования лиц и животных в памятниках словацкой письменности, в разных кодификациях словацкого литературного языка и в произведениях художественной литературы. Статья содержит богатые сведения о распространении разных диалектных форм и о специфике их функционирования в разных контекстах: при нейтральном употреблении, олицетворении, сравнении, в пословицах. Особую ценность представляет карта Словакии с указанием распространения тех или иных форм, выражающих категорию личности. Также подробно рассматриваются средства выражения данной категории в словацком литературном языке и их изменения.

Н. А. Кондрашов, возможно, не собирал диалектный материал непосредственно в полевых условиях, так как в то время это

¹ В 1953 г. вышли новые «Правила словацкого правописания» [23], которые ещё не были известны Н. А. Кондрашову, тем более если учитывать то, что диссертация была защищена в 1949 г. В них, однако, не было изменений относительно склонения и употребления форм одушевлённых существительных.

² Подробные описания диалектов словацкого языка издавались в России ещё в XIX в. [12; 15], однако к тому времени они уже стали библиографической редкостью; кроме того, классификация говоров словацкого языка к тому времени изменилась.

было невозможно (если не считать первое погружение в словакистику во время Великой Отечественной войны). Материал был экцерпирован из монографических описаний отдельных говоров, диалектных текстов и словарей отдельных говоров, сгруппирован в соответствии с принадлежностью говоров к диалекту, строго систематизирован и представлен в виде синтетического полного описания данной категории в словацком языке. Несмотря на выход «Атласа словацкого языка» [16], работа не утратила значения и в настоящее время и является наиболее полным изложением распространения форм личных существительных в словацких диалектах, их фиксации в памятниках словацкой письменности и функционирования в литературном языке.

Доскональное изучение личных форм существительных в говорах словацкого языка предполагало изучение всех существующих работ по данной проблематике и накопления солидного материала из области изучения словацких диалектов. Обобщив и изложив материал в хронологической последовательности, Н. А. Кондрашов публикует специальную работу, посвящённую истории словацкой диалектологии [9].

Сразу же после защиты кандидатской диссертации у Н. А. Кондрашова возник замысел написания труда, посвящённого истории словацкого литературного языка [18, с. 7]. Первым значительным результатом исследования в этой области стала статья, опубликованная в 1960 г. [8]. В ней даётся общая картина формирования словацкого литературного языка с древнейших времён до периода после второй мировой войны. Следует заметить, что излагать историю словацкого литературного языка в это время было совсем не просто, потому что во второй половине 50-х гг. XX в. происходил процесс пересмотра существовавшей ранее словацкой концепции формирования словацкого литературного языка, представленной в работах С. Цамбела (под псевдонимом Влколинский) [29], Л. Новака [20], молодого Э. Паулини [21; 22] и др. В

это время Э. Паулини выдвигает концепцию о существовании в докодификационный период в Словакии трёх культурных языков, начиная таким образом непосредственную историю словацкого литературного языка с кодификации А. Бернолака. Поскольку данная концепция быстро получила распространение в Словакии, принял её и Н. А. Кондрашов. Кроме того, в конце 1950-х гг. в славистике было широко распространено определение литературного языка, данное перед съездом славистов в Москве А. В. Исаченко [1], которое подразумевало обязательную кодификацию литературного языка и полностью коррелировало с новой концепцией истории словацкого литературного языка. И хотя значительно позже Н. А. Кондрашов с глубочайшим уважением писал о Н. С. Трубецком как об основоположнике теории литературного языка, первенство которого в этой области подчёркивал один из авторитетнейших представителей Пражской лингвистической школы академик Б. Гавранек [7], указывая на его статью «Общеславянский элемент в русской культуре» [14], концепцию менять было уже невозможно. Ценностью работы, однако, являются мысли Н. А. Кондрашова, высказанные по целому ряду проблем, не потерявшим своей актуальности до наших дней. Так, например, и в настоящее время чрезвычайно распространена точка зрения о том, что диалектной основой словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром, является среднесловацкий диалект. Как справедливо отмечает автор работы, «в действительности диалектная основа штуровщины не столь широка. Все упомянутые Штуром области не образуют единого диалектного целого ... Скорее всего основой штуровского языка были говоры трёх центральных областей Словакии: Турца, Липтова и Зволена, представляющие наиболее характерные особенности литературного языка» [8, с. 18]. Излагая причины распространения чешского языка в Словакии и подчёркивая, что словаки рассматривали его «в качестве литературно обработанной нормы, близкой их родному

языку», Н. А. Кондрашов отмечает, что это «не означает, что возникновение фонетических и грамматических отличий словацкого языка от чешского следует относить к позднему времени» [8, с. 6]. Упомянем также то, что среди наиболее значительных событий в истории словацкого литературного языка Н. А. Кондрашов называет деятельность основанного в 1834 г. в Пеште «Общества любителей словацкого языка и литературы», издававшего литературный альманах «Зора» [8, с. 14], что до сих пор не нашло должного освещения в работах по истории словацкого литературного языка.

Значительные результаты исследования словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром, представлены в обширной статье, посвящённой языку журнала «Словенске погляды» («Словацкое обозрение»), издававшегося в 1846–1852 гг., т. е. в период функционирования нового словацкого литературного языка в первоначальном виде, его страстным сторонником И. М. Гурбаном [6]. Данная работа остаётся образцом исследования словацкого литературного языка. Её отличительной особенностью является пристальное внимание автора к реальному функционированию словацкого литературного языка, что было нехарактерно для работ того времени, носивших преимущественно общий характер почти без привлечения к анализу значительного конкретного языкового материала. При этом описание орфографической, фонетической и морфологической систем проводится системно с выделением наиболее типичных и проблемных моментов. Автор не идеализирует ситуацию и в целом ряде случаев отмечает разного рода отклонения от кодификации, например, фиксацию некодифицированных Л. Штуром специфического среднесловацкого гласного *ä*, характеризуемого как широкое открытое *e*, спорадическое появление дифтонга *iu*, косвенное отображение мягкого *l* и др. Эти зафиксированные автором работы явления важны тем, что помогают понять объективный, а не случайный характер изменений в кодификации, произошедших

в 1852 г. и внесённых в неё М. Гатталой. Важным является также тот момент, что выявляются колебания при обозначении отдельных явлений, представляющих собой дифференциальные признаки современного словацкого литературного языка, например, наличие сочетаний *rat*, *lat* и *rot*, *lot* при неаккутовой интонации, сохранение и упрощение сочетаний *tl*, *dl*, отклонения в фиксации дифтонгов и т. д., что свидетельствует о том, что норма литературного языка находилась ещё на стадии формирования. Чрезвычайно существенным для понимания сути штуровской кодификации является вывод автора о том, что описание морфологии представляет «скорее научное сочинение, содержащее обоснование той или иной формы, а не свод ясных, отчётливых и однозначных правил» [6, с. 186]. Этот вывод делается на основании большого количества представленных в кодификации дублетных форм. Данная работа Н. А. Кондрашова явилась весомым вкладом в словакистику. Многие материалы этой работы вошли в труд «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка», защищённый как диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук (1968) и опубликованный в 1974 г. в Словакии в виде монографии [18].

В это же время Н. А. Кондрашов изучает словацкие материалы, собранные И. И. Срезневским во время его пребывания в Словакии и хранившиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне – РГАЛИ). С результатами своей работы он знакомит как словацкую, так и советскую славистическую общественность [5; 10]. Особое значение в работах уделяется словарю словацкого языка, который составил И. И. Срезневский в 1842 г. в основном на основе лексики среднесловацкого диалекта непосредственно перед выступлением штуровцев с кодификацией нового литературного языка. Н. А. Кондрашов подчёркивает особую ценность словаря И. И. Срезневского, поскольку он его составлял как словарь *самостоятельного*

славянского языка. Кроме того, это был первый словарь словацкого языка, так как попытки словацких филологов создать такой словарь оканчивались неудачей. К великому сожалению, словарь не был опубликован.

Н. А. Кондрашов также отмечает то, что примерно десятая часть лексики словаря, содержавшего 7000 слов и свыше 700 выражений, «восходит к собранию песен Я. Коллара и имеет соответствующие пометы. Эта ориентация на сборник Коллара не случайна, так как именно последний показал всё богатство и жизненность среднесловацкого наречия и в известной степени способствовал штуровской реформе литературного языка» [5, с. 115–116]. В основном же лексику собирал сам И. И. Срезневский, либо ему помогали его словацкие друзья.

Н. А. Кондрашов подчёркивает, что особое внимание И. И. Срезневский обращает на характерные среднесловацкие особенности, отличающие данный диалект от других словацких диалектов, а также чешского языка. «Свои наблюдения над словацкими говорами Срезневский применил в рецензии на “Slovanský národopis” П. Шафарика, где он определил весьма точно границы распространения словацкого языка и со знанием дела полемизировал с Шафариком по поводу групп *tl*, *dl* в словацком. Он писал: “С другой стороны и в наречиях ‘западной молви’ в иных местах не выговаривается в этих случаях вставное *d*. Так в словацком, в Липтовской столице, слышал я: *мыло, сало, вилы*, хотя впрочем и *мотовидло*. В Оравской же столице хотя и говорят *мыдло*, но с тем вместе и *бжелило, мотовило*”» [5, с. 104]. Позже данное явление будет названо одним из югославизмов в среднесловацком диалекте [24, с. 38–39] и станет дополнительным аргументом в миграционно-интеграционной теории Р. Крайчовича о происхождении словацкого языка [19].

Вершиной исследовательской деятельности Н. А. Кондрашова в области словакистики, безусловно, является его диссертация на соискание учёной степени доктора

филологических наук «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка», защищённая в 1968 г. и вышедшая в 1974 г. в Братиславе в переводе на словацкий язык [18]. До настоящего времени эта книга остаётся наиболее полным и единственным системным трудом, посвящённым литературному языку, кодифицированному Л. Штуром, в его первоначальном штуровском виде. О значимости монографии для словакистики свидетельствует уже то, что научным редактором и рецензентами труда были крупнейшие лингвисты-историки словацкого литературного языка члены-корреспонденты Словацкой академии наук, соответственно, Й. Ружичка, Э. Паулини и Я. Станислав. Осмысление проблематики возникновения и путей развития словацкого литературного языка, по сути, началось ещё во время работы над кандидатской диссертацией. Как отмечал Н. А. Кондрашов, важным этапом в исследовании был доклад автора «Людовит Штур и создание словацкого литературного языка», прочитанный в 1956 г. по случаю сотой годовщины смерти кодификатора [18, с. 7]. В это же время стала создаваться картотека словацких памятников письменности, которая была пополнена во время пребывания исследователя в Братиславе отсутствовавшими в СССР текстами. Так был собран богатейший языковой материал, который и стал предметом анализа в диссертации и монографии. При этом источниками являлись не только труды непосредственно Л. Штура и его сподвижников М. Гатталы, М. М. Годжи, Й. М. Гурбана, Я. Геркеля и др., но и периодические издания, выходившие в это время: «Словацкая национальная газета» и её приложение «Орел татранский», журнал «Словенске погляды», альманах «Нитра» и т. д. Н. А. Кондрашов использовал при анализе также материал словацких текстов, записанных И. И. Срезневским.

Труд Н. А. Кондрашова предваряет обширная глава, в которой автор излагает своё понимание литературного языка и условий его возникновения, а также го-

ворит о значении для научного изучения. Интерес автора к различным лингвистическим школам проявляется здесь в том, что он критически рассматривает отношение к литературному языку младограмматиков и подчёркивает новый подход к нему, отразившийся во взглядах представителей Пражского лингвистического кружка, наиболее ярко выраженных в сборнике «Литературный чешский язык и языковая культура» [25]. Примечательно, что часть работ из этого сборника, а также другие наиболее значимые труды членов Пражского лингвистического кружка спустя несколько лет после окончания работы Н. А. Кондрашова над докторской диссертацией вышли в переводах на русский язык в сборнике «Пражский лингвистический кружок», составленный им и подготовленный под его редакцией. Кроме того, он сам перевёл статьи крупнейших представителей этой лингвистической школы в Чехии, например, Б. Гавранека, и в Словакии – Л. Новака [13].

Процесс возникновения словацкого литературного языка Н. А. Кондрашов связывает с национальным возрождением и относит к последней трети XVIII–40-м гг. XIX в. При этом он подчёркивает, что особое значение при изучении литературных языков имеет социолингвистический подход. Кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака и Л. Штура он рассматривает как два последовательных этапа единого процесса, несмотря на их разную диалектную базу. Основное внимание в работе уделяется второму, завершающему этапу формирования словацкого литературного языка и его создателю Л. Штуру. Являясь страстным сторонником кодификации Л. Штура и критикуя последовавшие внесённые в неё изменения, Н. А. Кондрашов подчёркивает, что «система словацкого литературного языка, выявленная и кодифицированная Л. Штуром, очень совершенна. Штура можно поставить в один ряд с такими кодификаторами славянских литературных языков, как М. В. Ломоносов, В. С. Караджич, И. Добровский и И. Юнгманн» [18, s. 280].

Н. А. Кондрашов исчерпывающе характеризует Л. Штура как лингвиста и отмечает, что Л. Штур прекрасно владел приёмами сравнительно-исторического языкознания, что позволяло ему видеть языковые различия в близкородственных языках. При кодификации словацкого литературного языка он «исходит из внутренних закономерностей языка, выступает против внесения в язык несуществующих элементов, он чётко отделяет от устанавливаемой нормы несистемные диалектные, архаические непродуктивные и отмирающие элементы» [18, s. 280].

В последующих главах Н. А. Кондрашов подробно рассматривает фонетическую, морфологическую и лексическую системы штуровского литературного языка. Убедительность результатов анализа достигается при помощи привлечения к нему богатейшего языкового материала, причём представленного не только в самой кодификации, но и в многочисленных изученных текстах, написанных на данном языке. Иными словами, словацкий литературный язык не сводится лишь к кодификации, как это зачастую делается в работах, а описывается его реальный облик, который он приобретает при функционировании. В частности, указывается на употребление в текстах графемы *ä*, обозначающей специфическое широкое открытое *e*, не кодифицированное Л. Штуром. Аналогично делается вывод о представленности в литературном языке мягкого *ḷ*, которое также не было введено Л. Штуром в литературный язык, но находило реальное отражение в текстах. Интересно и различие фонетических и функциональных дифтонгов и не подверженность первых ритмическому сокращению и следовательно, по сути, дифтонгами и не являющихся. В центре внимания учёного оказываются явления, характерные для среднесловацкого диалекта и представленные в литературном языке, например, изменения сочетаний *ort, olt* при нисходящей интонации соответственно в *rat, lat*, судьба сочетаний *tl, dl* в среднесловацком диалекте и литератур-

ном языке, отражение изменения праславянских сочетаний *skj*, *stj* и т. д.

В разделе, посвящённом морфологии, подробно рассматривается словоизменение частей речи в штуровском языке в его сопоставлении со среднесловацким диалектом. Последовательное системное описание морфологической системы проводится более тонко, чем у самого Л. Штура. Значительное количество дублетных форм автор труда объясняет тем, что необходима была адаптация большого числа слов, которые никогда ранее не употреблялись в среднесловацкой огласовке и со среднесловацкими флексиями. Рассматриваются также проблемы формирования словацкой орфографии, причём отмечаются как её положительные стороны, так и недостатки, а также словарного состава. Н. А. Кондрашов устанавливает пути развития лексики литературного языка, к которым, в частности, относит образование новых слов и расширение семантики слов, уже существующих.

Труд Н. А. Кондрашова «Возникновение и развитие словацкого литературного языка» представляет собой первый системный анализ словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром в его ранней фазе существования. До настоящего времени он остаётся наиболее полным описанием, хотя с момента его создания прошло уже более полувека. Данный труд является образцом для исследователей литературных языков и сейчас, так как в нём используется надёжная методика изучения языковых единиц с учётом культурно-исторических, этнографических, идеологических явлений, которая применяется к анализу богатейшего конкретного «природного» материала.

Значительную часть исследований Н. А. Кондрашова занимает изучение истории науки. Автор пишет работы, посвящённые научной деятельности видных славистов, среди которых представлены и словацкие учёные. Такие работы позволяют глубже понять собственные взгляды автора и те задачи, которые стоят перед исследователями. Его статьи по данной проб-

лематике также демонстрируют научную объективность суждений и принципиальную критическую позицию филолога.

Так, например, он обращается к лингвистическому наследию П. Й. Шафарика, словака по национальности, описывает его жизненный путь, основные вехи в научной деятельности и оценивает его значение для славяноведения, в частности, следующим образом: «Поражает разносторонность его интересов и занятий: историк и языковед, диалектолог и литературовед, этнограф и географ, защитник интересов славянства. Шафарик внёс большой вклад в славистику, доказав высокий уровень развития древних славян и их огромную роль в создании феодальной Европы. Он расширил самый предмет славяноведения, внося в него разработку славянских древностей, этнографии и истории литературы» [2, с. 102].

В юбилейной статье об одном из крупнейших словацких лингвистов Я. Станиславе представлена чрезвычайно высокая оценка его научных трудов, подчёркивается разносторонность взглядов учёного, в сферу интересов которого входили проблемы диалектологии словацкого языка, его истории и формирования литературного языка, кирилло-мефодиевская проблематика и изучение старославянского языка, антропонимов и топонимов Дунайско-Карпатского региона. В качестве важнейших научных трудов обоснованно выделяются пятитомная «История словацкого языка» [26], монографии «Липтовские говоры» [27] и «Словацкий юг в средние века» [28], отмечается заслуга в разделении истории словацкого и чешского языков, которые ранее рассматривались в историческом плане как единое целое, подчёркивается необходимость дальнейшего всестороннего исследования памятников словацкой письменности и т. д. При этом автор статьи проявляет критический подход к тем или иным методическим недостаткам исследования, которые в дальнейшем необходимо устранить. Важным в данной статье также представляется фрагмент, посвящённый позиции российских лингвистов по отношению к словацкому

языку, считавших его самостоятельным славянским языком. И в этом плане особую роль в словакистике, по справедливому мнению Н. А. Кондрашова, сыграла работа Т. Д. Флоринского, не побоявшегося обосновать эту позицию, несмотря на преобладавший в то время иной взгляд на отношения словацкого и чешского языков. Н. А. Кондрашов высказывает чрезвычайно важную мысль, что «...для обособления не столь важны дифференциальные языковые признаки и даже их совокупность. Определяющим моментом при этом выступают общественно-политические факторы, наиболее чётко проявляющиеся в национальном самосознании» [3, с. 8].

В завершении статьи укажем и такую важную сторону словакистической деятельности Н. А. Кондрашова,

как ознакомление словацких и советских читателей со словацким художественным творчеством. Так, в частности, в Словакии были опубликованы неизвестные там четыре сказки, записанные в Липтове (регион в Средней Словакии) видным словацким писателем Я. Калинчяком и обнаруженные в рукописном наследии И. И. Срезневского [17], а в СССР под его редакцией были изданы повести и рассказы крупнейших словацких писателей¹.

Таким образом, вклад Н. А. Кондрашова в словакистику был значительным и многогранным. Его труды по словацкому языку не потеряли актуальности и научной ценности и в настоящее время.

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаченко А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 42–45.
2. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (К двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
3. Кондрашов Н. А. Историк словацкого языка Ян Станислав // Современный русский язык. Лингвистический сборник. Выпуск 6. М.: Типография Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1976. С. 3–13.
4. Кондрашов Н. А. Категория личности имён существительности в словацком языке // Славянская филология. Выпуск 2. М.: Издательство Московского университета, 1954. С. 38–67.
5. Кондрашов Н. А. Материалы для словаря наречий горных Словаков, собранные И. И. Срезневским // Jazykovedný časopis. 1958. Č. 1–2. С. 103–116.
6. Кондрашов Н. А. Наблюдения над языком журнала «Словацкое обозрение» // Славянская филология. Выпуск 4. М.: Издательство Московского университета, 1963. С. 142–186.
7. Кондрашов Н. А. Николай Сергеевич Трубецкой (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 98–103.
8. Кондрашов Н. А. О формировании словацкого литературного языка // Славянская филология. Выпуск 3. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 3–26.
9. Кондрашов Н. А. Очерк истории словацкой диалектологии // Славянская филология. Выпуск 1. М.: Издательство Московского университета, 1951. С. 98–107.
10. Кондрашов Н. А. Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского // Филологические науки. 1959. № 4. С. 160–168.
11. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
12. Петровский М. П. Материалы для славянской диалектологии // Учёные записки Казанского университета. 1866. Т. 2. Ч. 33, С. 388–480.
13. Пражский лингвистический кружок: Сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
14. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995. С. 162–207.
15. Флоринский Т. Д. Словацкий язык // Лекции по славянскому языкознанию. Часть II. Киев-СПб.,

¹ Словацкие повести и рассказы / ред.-сост. Н. А. Кондрашов. М.: Гослитиздат, 1953. 479 с.

1897. С. 220–344.
16. Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá – mapy. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1981. 316 s. Časť druhá – úvod, komentáre, dotazník. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1978. 246 s.
 17. Kondrašov N. A. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom // Slovenský národopis. 1973. V. 21. Č. 4. S. 579–590.
 18. Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1974. 284 s.
 19. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 328 s.
 20. Novák L. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. V. 54. S. 105–111, 159–173, 217–222, 281–287.
 21. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení, 1948. 101 s.
 22. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963. 360 s.
 23. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Bratislava: vydavateľstvo SAV, 1953. 407 s.
 24. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1940. 482 s.
 25. Spisovná čeština a jazyková kultura / vydali Havránek B., Weingart M. Praha: Melantrich, 1932. 257 s.
 26. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1956. 590 s. II. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 743 s. III. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1957. 326 s. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1973. 415 s.
 27. Stanislav J. Liptovské nárečia. Martin: Matica slovenská, 1932. 562 s.
 28. Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. 1-2. Turčiansky Svätý Martin: Matica slovenská, 1948. 664 s.
 29. Vlkolinský J. O "prvej" knihe slovenskej // Živena. 1885. V. 2. S. 230–240.

REFERENCES

1. Isachenko A. V. [What are the specifics of literary bilingualism in the history of the Slavic peoples?]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1958, no. 3, pp. 42–45.
2. Kondrashov N. A. [The life and works of Pavel Josef Safarik (To the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
3. Kondrashov N. A. [The historian of the Slovak language Ján Stanislav]. In: *Sovremennyi russkii yazyk. Lingvisticheskii sbornik. Vypusk 6* [Modern Russian language. Linguistic collection. Issue 6]. Moscow, Tipografiya Universiteta druzhby narodov imeni Patrisa Lumumby Publ., 1976. pp. 3–13.
4. Kondrashov N. A. [Category of personality nouns in the Slovak language]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 2* [Slavic Philology. Issue 2]. Moscow, Moscow University Publ., 1954. pp. 38–67.
5. Kondrashov N. A. [Materials for a dictionary of the dialects of the mountain of the Slovaks, collected by I. Sreznevsky]. In: *Jazykovedný časopis*, 1958, č. 1–2, pp. 103–116.
6. Kondrashov N. A. [Observations on the language of the journal "Slovak review"]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 4* [Slavic Philology. Issue 4]. Moscow, Moscow University Publ., 1963. pp. 142–186.
7. Kondrashov N. A. [Nikolay Sergeevich Trubetzkoy (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 98–103.
8. Kondrashov N. A. [On the formation of a Slovak literary language]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 3* [Slavic Philology. Issue 3]. Moscow, Moscow University Publ., 1960. pp. 3–26.
9. Kondrashov N. A. [Essay on the history of Slovak dialectology]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 1* [Slavic Philology. Issue 1]. Moscow, Moscow University Publ., 1951. pp. 98–107.
10. Kondrashov N. A. [Slovak materials in the archive of I. Sreznevsky]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1959, no. 4, pp. 160–168.
11. Nikitin O. V. [Philologist-Slavicist N. Kondrashov as a Historiographer of Science and Teacher (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, no. 5, pp. 81–89.
12. Petrovskii M. P. [Materials for Slavic dialectology]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 1866, vol. 2, part 33, pp. 388–480.
13. Kondrashov N. A., comp., ed. *Pražskii lingvisticheskii kruzhok: Sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
14. Trubetskoi N. S. [Pan-Slavic element in Russian culture]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, «Progress», «Univers» Publ., 1995. pp. 162–207.
15. Florinskii T. D. [Slovak language]. In: *Lektsii po slavyanskomu yazykoznaniiyu. Chast' II* [Lectures on Slavic linguistics. Part II]. Kiev, St. Petersburg, 1897. pp. 220–344.

16. Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá – mapy. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1981. 316 s. Časť druhá – úvod, komentáre, dotazník. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1978. 246 s.
17. Kondrašov N. A. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom. In: *Slovenský národopis*, 1973, v. 21, č. 4, s. 579–590.
18. Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1974. 284 s.
19. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1974. 328 s.
20. Novák E. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny. In: *Slovenské pohľady*, 1938, v. 54. s. 105–111, 159–173, 217–222, 281–287.
21. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, Slovenská akadémia vied a umení Publ., 1948. 101 s.
22. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1963. 360 s.
23. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Bratislava, vydavateľstvo SAV Publ., 1953. 407 s.
24. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turčiansky sv. Martin, Matica slovenská Publ., 1940. 482 s.
25. Havránek B., Weingart M., eds. Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, Melantrich Publ., 1932. 257 s.
26. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1956. 590 s. II. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1958. 743 s. III. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1957. 326 s. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1973. 415 s.
27. Stanislav J. Liptovské nárečia. Martin, Matica slovenská Publ., 1932. 562 s.
28. Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. 1-2. Turčiansky Svätý Martin, Matica slovenská Publ., 1948. 664 s.
29. Vlkolinský J. O “prvej” knihe slovenskej. In: *Živena*, 1885, v. 2, s. 230–240.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лифанов Константин Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: lifanov@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Lifanov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lifanov@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лифанов К. В. Профессор Н. А. Кондрашов и его вклад в словакистику // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 111–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-111-120

FOR CITATION

Lifanov K. V. Professor N. A. Kondrashov and his contribution to Slovak studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 111–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-111-120